

Е. В. КРИВЦОВА

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ХЛЕВЕНСКОГО РАЙОНА ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Метод комплексного обследования территорий различных областей России в последние годы успешно применяется этнографами, этномузыкологами, диалектологами. Фронтальное изучение локальной традиции позволяет определить границы того или иного явления, выявить ареал и специфику его бытования и т.п. Особую актуальность этот метод приобретает в отношении районов с угасающей народно-песенной традицией, где необходима по возможности полная и последовательная фиксация всех элементов народной культуры (с перспективой дальнейшего анализа, обобщения, а нередко и реконструкции, моделирования ее различных составляющих – обрядов, песен и проч.), которые уже через несколько лет, вероятно, исчезнут. Среди подобных регионов следует назвать территорию нынешней Липецкой обл. Уже сегодня по отношению к некоторым ее районам можно говорить о практически полном разрушении традиции.

Другим аргументом в пользу актуальности метода комплексного изучения применительно к указанному ареалу является своеобразие южнорусской традиции как таковой, ее многосоставность: обилие певческих стилей, внутреннее деление на узлокальные зоны, выявление в них разных обрядовых типов и т.п. При том, что изучение южнорусской традиционной культуры ведется на протяжении многих лет разными учеными (К.В. Квиткой, А.В. Рудневой, В.М. Щуровым, А.Н. Ивановым, В.Н. Медведевой и др.), целостного представления о ней до сих пор еще не сложилось. И если Курскую, Белгородскую, Орловскую и Воронежскую обл. можно считать более или менее освоенными с этой точки зрения, то Липецкая обл. по сей день остается «белым пятном» на карте музыкальной этнографии¹.

Трудность собирательской работы в Липецкой обл. в настоящее время заключается в невозможности фиксации полных этнографических описаний, а также ансамблевого (а порой и сольного) пения². Это подтвердила экспедиция в Хлевенский р-н Липецкой обл., организованная в 1997 г. Московской государственной консерваторией и проходившая под руководством Н.Н. Гиляровой. К примеру, материалы, касающиеся свадебного обряда, состоят главным образом из кратких описаний и преимущественно одноголосных и фрагментарных записей песен³. Рассказы о свадебном обряде записывались от людей разных возрастов. Самые старшие из информантов – 1910-х гг. рождения (с. Вертячье, Отскочное, Елецкая Лозовка, Елецкое Маланино, Старое Дубовое). В других селах сведения были получены от представителей следующего поколения, родившихся в 1920-е – 1930-е гг. Описания складывались как на основе воспоминаний о собственной свадьбе, так и пересказов историй, слышанных когда-либо от людей старшего возраста, чаще всего от родителей. Таким образом, общая картина объединяет два периода – 1910-х – 1920-х и 1930-х – 1940-х гг., разделение которых и выявление «чистого» типа (или типов) обряда на данном этапе работы не представляется возможным. Для этого необходимы дополнения и уточнения (вероятно, повторные экспедиции), добавление материалов соседних районов и в перспективе – создание музыкально-этнографического атласа области. Выявление узлокальных типов свадебного обряда в пределах Липецкой обл. сделает возможным соотнесение со смежными районами и определение их места в контексте «лоскутной», многоликой южнорусской свадьбы.

Свадьбы в большинстве сел Хлевенского р-на справляли чаще осенью – «после выбора картошки» (с. Вертячье) и зимой. Летом свадеб почти не было. Среди престольных праздников, к которым могли приурочить

Свадьбы в большинстве сел Хлевенского р-на справляли чаще осенью – «после выбора картошки» (с. Вертячье) и зимой. Летом свадеб почти не было. Среди престольных праздников, к которым могли приурочить

² Рассуждения о причинах подобного состояния традиции в регионе позволим себе оставить за рамками данной статьи.

³ В 11 селах Хлевенского р-на Липецкой обл. было сделано 52 записи, касающиеся свадебного обряда. Среди них 40 песен и 12 этнографических рассказов: с. Елецкое Маланино – 2 песни / 1 рассказ, с. Старое Дубовое – 2 / 3, с. Отскочное – 10 / 2, с. Донская Негачевка – 8 / 1, с. Дмитришевка – 1 / 0, с. Конь-Колодезь – 4 / 1, с. Елецкая Лозовка – 2 / 0, с. Воробьевка – 1 / 0, с. Фомина Негачевка – 10 / 0, с. Синдякино – 0 / 2, с. Манино – 0 / 2. Все материалы хранятся в фонде КНМ МГК им. П.И. Чайковского.

¹ Музыкальный фольклор Липецкой обл. был фрагментарно представлен на основе материалов экспедиций МГК 1965 и 1966 гг. в [Щуров 1987].

свадьбу, названы: Микола⁴ (постная свадьба), Михайло, Рождество и Крещение (мясная свадьба).

По свидетельствам большинства информантов (из разных сел района), молодые до свадьбы, как правило, не были знакомы. Всё решалось по договоренности между родителями жениха и невесты. По словам Е.А. Асламовой, 1918 г.р., из с. Старое Дубовое, «усё, што мать с атцом прикажут, бывала, и куда хатать, туда выдадут. <...> Ана сидит дома, ничё ни зная, и жаних также. Па стариннаму он ничё ни зная. Атец с матерью тольки жанили и выдавали» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01). В с. Конь-Колодезь также утверждают, что молодые зачастую виделись на свадьбе впервые: «А маладая-та ня знает. Мать крёсная, атец крёснай, ну, пагаварили тама, назначили какой день свадьбы. И невеста не знает: што, какой жаних у ней» (фонд КНМ МГК, инв. № 3764-21).

Если невеста и жених были знакомы до свадьбы, встречаться в период от просватанья (или сговора) до венчанья им не полагалось. Только в более позднее время (1920-е – 1930-е гг.), когда уже повсюду было распространено знакомство «на улице, самовольна» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01), этому правилу следовать перестали. По свидетельству Н.Е. Донских, 1927 г.р., из с. Синдякино: «А я вот такая – уже дружила, и он каждый день ка мне хадил. Гаварю, ни хади, мне ж стыдна, а он – я приду, памагну» (фонд КНМ МГК, инв. № 3768-01).

«Свататца – эт вечир» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01), когда сваты направляются в дом к невесте. Об их приезде родня невесты знала заранее. В качестве сватов обычно выступали старшие родственники жениха: «Сваты – это тока што семья сходя, тока старших пара. <...> Старики в участии были да самай смерти» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01); «Свататься идут отец, мать и старость» (с. Конь-Колодезь; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1650). Сватами могли быть и одни только жениховы родители (с. Манино). Разговор сваты ведут в иносказательной форме, например, о телятах, о молоке: «Скажете, кто у вас коровку продает? – Это у соседей, там есть. – Нет, нам ваша приглянулась. Какова ваша коровка на молоко? Много дает?» (с. Дмитришевка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648) и т.п. В сс. Вертячье и Донская Негачевка сваты приходят с наме-

рением «купить ярочку»: «Ну, как мама гаварила, <...> старые тада начинают гаварить: "У вас какя-т ярочка есть, покажите нам и где, толи ана нам панравица, а толи нет. Если панравица, значить мы иё купим, а если ни панравица, мы ня будем пакупать". Ну, выводять эту нявесту, што сасваталися. Тады прями "Аткрасавалась наша Марьюшка в девках". С этой песней уи прасватаная ана» (фонд КНМ МГК, инв. № 3761-01). Таким образом, момент просватанья отмечен первым появлением песни внутри обряда (пример 1).

В с. Елецкая Лозовка нам рассказали, что к жениху на просватанье могли выводить разных девиц, среди которых он «выбирал» жену: его выбор, впрочем, ничего не означал, так как всё дело было в той договоренности, которой достигли родители. Случалось и так, что он мог выбрать младшую дочь, а к венцу родители подводили старшую.

По-видимому, именно к сватовству относится определение «с'авор». По крайней мере, сведений о том, что сватовство и сговор происходили в разное время, получено не было⁵. Кроме того, в некоторых селах сговор и запой (или пропой) также описываются как происшедшие одновременно. В.И. Азарова, 1921 г.р., из с. Манино, рассказывает: «Ну, всево многа, прапой, там и закуски, и вины всякие. Эта с'авор» (фонд КНМ МГК, инв. № 3768-17). В с. Вертячье сваты приезжали в дом к невесте, где осуществлялся сговор; после богомолья был запой: «Запьем невесту и жениха»; «Богу памолимся и запьем». Песен на пропое в Вертячьем не пели (фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648).

Другой, более развернутый, вариант (сс. Донская Негачевка, Дмитришевка) складывался, очевидно, из трех этапов: сватовство, сговор – «На с'авор сабирають пабольши» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01) – и, наконец, спустя несколько недель, а то и через месяц – пропой (или запой).

На сговоре решали, когда состоится пропой. На пропой везут к нявесте, вязуть сваи

⁵ Хотя намек на это содержится в рассказе Е.А. Асламовой, 1918 г.р., из с. Старое Дубовое: «Свататца – эт вечер. С'авор сабирають пабольши, а сваты – эта тока што семья сходя. Патом на с'авор пабольши набырають. Ну, абратна, брали – щас вить усе да выйребу из дама, – а тада – тока старших пара. А если всех сабрать – у адном доме па тридцать человек-та жили – куда эта такую махину! Ну, от ани тока што па двое» (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-01).

Пример 1

Э ох, открасовалась наша Марья

02'48"

Э ох, открасовалась наша Марья,
Э ой, лёй, ляй, ля, вы девках.

Пакрасуйси, Ивановна,
Эй, ой, ляй, ляй, ля, вы бабах.

Горькия красаванья,
Эй, ля, ай, ляй, ля, вы бабах.

Гарямышная скуката,
Э ой, ля, ай, ля, ля, снаряжанья.*

Мая горя вяликая,
Эй, ой, ляй, ля, ля, нету Вани.

Уехал мой Иванушка,
Э ой, ляй, ля, ля, ва горат.

Эх, да он ходя, выбирая,
Э ой, ляй, ля, ля, тавару.

Да он ходя, он скупая,
Э ой, ляй, ля, ля, што па нраву.

Накупил он Марьюшки,
Э ой, да(й), ля, ля, лентгычку.

Ды он купил Марьюшки ни прастую,
Эй, ей, ой, ля, ляй, ля, галубую.

Зап. в 1997 г. от В.З. Корчагиной, 1932 г.р., в с. Донская Негачевка (запись наложением). Расшифровал Р. Дормидонин, 1997 г. (фонд КНМ МГК, расшифр. № 15266).

харчи, едут с песнями» (с. Донская Негачевка; фонд КНМ МГК, инв. № 3761-01). Большого количества людей, опять же, не набирали, «ат радни люди были. Пастаронних не призывали никаво. <...> На прапое – родныи самые близкие, каму ни минавать: свёкар, свекровья, сёстры, если есть у жениха, братья – и бяз жён, эт вот я такое ат мамы слышала, жёны дома сидять» (с. Синдякино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-01). Среди пе-

сен, которые пели на пропос, называли «Не качайся, сосенушка», «Ой, кукушечка».

Именно на пропое жених или невеста могли отказаться от намечающейся свадьбы, но, как правило, таких случаев не было. Если невесте предназначался богатый жених, никаких отступлений после сватовства быть не могло (с. Дмитришевка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648). Отказ от свадьбы считался позором для обеих семей: «Вот если, например,

маё нижаланье за нево пайти, либа раскарари ево, то я пасылаю са сваей стараны близкава родственника, штобы он пашёл и им саабцил, што свадьбы никакой не будет. Но эта пазор. Ты апазоришь каво, жениха, и ты не в чести. Што ты атказалась, какая причина, ты што ж не абразумилась сразу? Эт балшое дела. Сматрели-та с презрением. Што эт такое?!» (с. Синдякино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-03).

На пропое также обговаривали приданое и устанавливали день свадьбы: *«Ну уж свадьбу никада скорую ни делали»* (с. Синдякино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-01); *«Раньше на гот аставляли свадьбу-та»* (с. Конь-Колодезь; фонд КНМ МГК, инв. № 3764-21); *«Свадьба нидели через две-три»* (с. Манино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-17).

И сватовство, и сговор, и пропой происходили в доме невесты. Однако был до свадьбы и еще один «заезд», на сей раз невестиной родни, в дом жениха. В с. Вертячьем это называют *«двора глядеть»*, а в с. Дмитришевке, где это делали обычно через неделю после пропой, – *«обмерять хату»* (фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648).

До свадьбы подруги невесты собирались вечерами у нее дома⁶, помогали готовиться к свадьбе: вышивали утирки, полотенца, рубахи. *«Усё: и пастелькю, и палатенцы, и дары»* (с. Елецкое Маланино; фонд КНМ МГК, инв. № 3758-02); *«Девки на невесту работали»* (с. Дмитришевка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетрадь № 1648). Обязательно пели грустные песни: *«Пели да слез абязательна. Всю ее судьбу рассказывают, как будет-та. Ана сидит тут с ими, ани запевают, ана плача»* (с. Елецкое Маланино; фонд КНМ МГК, инв. № 3758-02); *«Радимая мая мамушка, / ухажу я ат тебе, из тваих стеначек на чужую старонку, в чужие стены, / а как миня там примуть, хто иё знает <...>»* (с. Синдякино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-01). Плач также был обязателен в случае, если невеста была сиротой: она шла на кладбище испросить благословения у родителей. На вечерках могла плакать и мать невесты. В с. Елецкое Маланино о плачах и голосье на подобных вечерах рассказали следующее: *«Абгалашивали. Ана веть ничё не знает, а мать-та всё знает. И мамка праважаит са слезами замуж»* (фонд КНМ МГК, инв. № 3758-02).

Сведений о том, какие именно песни пели девки на вечерках, нет. Можно лишь предположить, что их репертуар не ограничивался песнями с плачами: *«И плакали, и радавались – усё у них была. Ну всё как на закону Божью»* (фонд КНМ МГК, инв. № 3758-02).

Накануне свадьбы, под вечер, девки везли *«продавать постель»* (приданое невесты) в дом жениха. Только в сс. Вертячье и Елецкая Лозовка постель привозили в дом к жениху в первый день свадьбы. На выкупе постели девишницы⁷ пели песню «Бей сундук».

Если постель отвозили к жениху, то за узлом жених и его родня приезжали в дом невесты. В с. Отскочное узел – это прежде всего *«женихов наряд»*: *«рубаци, наски, партянки, шарф, партки»* (фонд КНМ МГК, инв. № 3762-36). В узел также клали полотенца-*«накрюшники»*, которыми украшали всю хату (у богатой невесты их было 20 – 25 штук, у бедной – 2 – 3), и торговались, приговаривая: *«Каждый клачок – питачок»* (фонд КНМ МГК, инв. № 3762-36). В других селах – Конь-Колодезь, Вертячье – выкуп узла называли *«продажа рубашек»*⁸, которая также происходила вечером накануне свадьбы. Жених, его родители и женихова родня приезжали в дом невесты, где торговались с девишницами, выкупали полотенца, рубахи, брюки, юбки. После этого все садились за стол, и девишницы *«играли»* (пели) песни.

Перед венцом, в ожидании приезда жениха, когда подружки убирают невесту, она плачет: *«Дарагие маи падружиськи, атхадилася я, атгулялася, не быват мне с вами. Меня в клетку пасадыт <...>»*. Мать невесты тоже голосит: *«Уходишь в чужой дом, в чужой абычай»* (с. Дмитришевка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648). *«Вот мать благославляет сваю дочь. Здесь абыгрывают падрушки иё. Ана перед матирью праценья просит. Эта такая ж галасьба, как и на мёрт-вамю галосят, са славами»* (с. Конь-Колодезь; фонд КНМ МГК, инв. № 3764-21). В этот момент девишницы пели песню «Не было ветру».

Расплетение косы невесты происходило на разных этапах свадебного действия. В большин-

⁷ «Девишницами» в Хлевенском р-не называют подруг невесты, принимающих активное участие в свадебном действе.

⁸ О том, что функционально «продажа рубашек» и «выкуп узла» тождественны, свидетельствует следующее указание: *«Рубашки связывались узлом»* (с. Вертячье; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648).

⁶ Специального народного термина для обозначения подобных вечеров здесь не зафиксировано.

стве сел района – после материнского благословения. Любимая («коренная») подруга (или сваха) расплетала косу невесты и накрывала ее голову длинным полотенцем (с. Дмитришев-ка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648). Так что под венец невеста шла с распущенной косой, которую называли «касматаи» или «касмакти», а уже потом, после венчания, ей заплетали две косы и надевали кокошник или шлык. Однако из рассказа Е.А. Асламовой, 1918 г.р., из с. Старое Дубовое узнаем, что невеста шла под венец с одной косой, а расплетали ее и разделяли на две уже после венца (фонд КНМ МГК, инв. № 3759-03). Наконец, в с. Конь-Колодезь косу разделяли на две еще до венца: *«Када ее благославили, две касы ей заплетают, значит ана пара»* (фонд КНМ МГК, инв. № 3764-21).

Жених, как и невеста, сначала получал благословение от родителей, а затем, перед венцом, молодых благословляли уже вместе: с хлебом-солью, «с пирогами», подстилая им под ноги «саматканые» (с. Вертячье; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648). *«Икона, ана у ний храница, пака памрёт. Ево иконы – Никалай Угодник или Спаситель Иисус, а её – любая Божья Матерь, но не Скарбящая, не Казанская»* (с. Манино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-17).

Наиболее частый ответ на вопрос о том, когда молодые венчались, – «до свадьбы». В большинстве случаев это означает, что в тот же день, сразу после венца, начинался свадебный пир (с которым, очевидно, информанты и отождествляют момент начала свадьбы как таковой). Однако нельзя исключать вероятность того, что свадьба могла начинаться и день спустя после венчания. В с. Вертячье, например, записано свидетельство, что венчались *«под свадьбу, и после венца молодые разъезжались по своим домам»* (фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1648)⁹.

Сведения о том, как был организован свадебный пир, как долго он длился и где прохо-

⁹ Утверждение кажется сомнительным и, безусловно, требует подтверждений. С другой стороны, в Вертячье, одном из немногих среди исследованных сел района, постель везли не вечером накануне свадьбы, а в первый день, стовор и запой соединялись в одно действие, на котором песен не пели. Таким образом, записанные здесь рассказы о свадьбе заметно выделяются среди прочих в Хлевенском р-не. Возможно, причиной тому является расположение Вертячьего несколько в стороне от других сел и его приближенность к р. Воронеж, в то время как большая часть обследованных сел расположена по течению Дона.

дил, довольно сильно разнятся, часто противоречивы и туманны. В зависимости от благосостояния семей молодых (жениха в первую очередь), свадьба могла продолжаться от двух-четырёх дней до недели. В с. Манино свадьбу справляли четыре дня, то же – в с. Конь-Колодезь: два дня у жениха, два дня у невесты¹⁰.

В этой свадебной кутерьме с пересздами от жениха к невесте и обратно, пожалуй, единственное, в чем совпадают все рассказчики, – это то, что первый день гуляли у невесты, а вечером отвозили ее в дом к жениху, где молодые ночевали. Хотя и здесь не обошлось без исключений. В с. Елецкая Лозовка первый день свадьбы описывают следующим образом: *«После венца все отправляются к невесте, где ее убирают в женский наряд, надевают кокошник, после чего едут к жениху на свадебный обед. После обеда едут снова к невесте, забирают постель и приданое; затем отправляются к жениху, где молодые и проводят ночь»* (фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1646).

Место молодых на свадебном пиру определяется по-разному: на виду у всех (по народной терминологии «в пасаде» или «у вышки») – за общим столом, перед иконой в углу; на печи за занавеской (с. Донская Негачевка; фонд КНМ МГК, инв. № 3767-01); в другом помещении – «у какой-та у мазаначки, их тама кармили, паили. Ани, вить эт сичас за сталом сидять маладые. А тада ани у отдельная кабинетику тама» (с. Елецкое Маланино; фонд КНМ МГК, инв. № 3758-02)¹¹.

В меню свадебного пира первого¹² (нередко и второго) дня обязательно входила свиная голова, «убранная лентами, сирёжками», которую в с. Отскочное выкупали. Кроме того подавали мясо (курятину) «на кругах» (деревянных), холодец, щи с мясом, лапшу, квас (с. Манино; фонд КНМ МГК, инв. № 3768-17)¹³.

Неотъемлемым компонентом первого дня свадебного пира было собирание молодыми подарков. Это действие, однако, не получило

¹⁰ Но в такой ли последовательности? (фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1650).

¹¹ Два последних свидетельства, вероятно, указывают на более ранний временной пласт традиции.

¹² Вызывает некоторые сомнения аутентичность записанного в с. Манино термина «карнавалный обед» по отношению к первому дню свадьбы.

¹³ Осталось неясным, существовала ли «приуроченность» определенных блюд к конкретному дню свадебного пира, поскольку этот вопрос не обсуждался.

Пример 2

У ворот трава росла

01'11"

1. У ва - рот тра - ва ра - сла, у ва - рот зи - лё - на - я,
о - х(ы) о - х лё - ли, у ва - рот зи - лё - на - я.

2. Там шла - пе - ре - шла што На - стю - шка, пе - ре - с - хал што Ва - ню - шка,
о - х(ы) о - х лё - ли, пи - ре - е - хал што Ва - ню - шка.

У варот трава расла,
У варот зилёная,
Ох, ох, лёли,
У варот зилёная.

Там шла-перешла што Настюшка,
Переехал што Ванюшка,
Ох, ох, лёли,
Пиреехал што Ванюшка.*

А кто ш эту траву таптал,
Да траву зилёную,
Ох, ох, лёли,
Да траву зилёную.

Ох, травушка зелёная,
Ох, Настюшка висёлая,
Ох, ох, лёли, ох,
Настя висёлая.

Зап. в 1997 г. от Н.Г. Алёхиной, 1913 г.р., и А.И. Шепиловой, 1925 г.р., в с. Фомина Незачевка. Расшифровала Е.В. Кривцова, 2000 г.

подробного и внятного отражения в рассказах, за исключением нескольких довольно туманных указаний в экспедиционных дневниках: «Когда молодых одаривали, то клали деньги за кашу» (с. Елецкая Лозовка; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1646).

На протяжении пира песни звучали практически непрерывно, главным образом, в исполнении подружек невесты – «девишниц». Они величали – «абыгрывали» – молодых, семейные пары из числа приглашенных («Во тридцатом во первом году», «Виноград расцветая», «Как на дубчику», «У ворот трава росла» (пример 2), «Как по погребу» (пример 3) и др.), дружку или холостых парней («Ой, на ком у нас кудри», «А кто у нас холост»)¹⁴. Плясовые

песни подразделяются на звучавшие только на свадьбе – «По погребу боченочек», «Как у нашего соседа», и те, которые, по словам самих исполнителей, «и на свадьби и проста ирають» – «Гуляй, гуляй, Донюшка», «Ой, да во лужках», «Я гуляю во гульбе».

Начало второго дня знаменовалось приходом «на рани» в дом жениха ряженных (обычно родни невесты), которые будили молодых: били горшки и «искали ярочку». Другой информации о событиях этого дня получить не удалось – кроме указания, что ели блины.

Традиционным завершением обряда (или одного из дней свадебного гуляния) была «каша-выгонялка» – знак окончания пира, подававшаяся «как выходить из-за стола, <...> потом за стол уже не садилась, кто хотел – тот сам себе брал» (с. Конь-Колодезь; фонд КНМ МГК, рук. архив, тетр. № 1650). Момент

¹⁴ Песен, в которых обыгрывали бы сваху, никто из информантов не вспомнил.

Пример 3

Как по погребу

00'50"

все

1. Э ой как па по-гри-бу бо-че-на-чик ка-та-и-ца,
о-х лё-ли, ох лё-ли, он ка-та-и-ца. ой

2. Он ка-та-иц-ца, рас-сы-па-иц-ца,
о-х лё-ли, ох лё-ли, рас-сы-па-иц-ца. о

3. Как И-ва-н над жа-но-ю о-н чма-ниц-ца, о
о-х лё-ли, ох лё-ли, о-н чма-ниц-ца. 7

4. О-н чма-ни-ца, чи-ри-ма-ни-ца,
о-х лё-ли, ох лё-ли, чи-ря-мо-ниц-ца.

Зап. в 1997 г. от В.З. Корчагиной, 1932 г.р., М.Я. Кретиной, 1923 г.р., Н.И. Прокофьевой, 1939 г.р., О.С. Сидельниковой, 1936 г.р., Н.Я. Столповской, 1928 г.р., в с. Донская Негачевка. Расшифровала Е.В. Кривоцова, 2000 г.

окончания свадьбы был также обозначен исполнением песни «Пора, пора гостям со двора» (пример 4 а,б).

Музыкально-стилевые особенности свадебного обряда данного региона, безусловно, указывают на его принадлежность к южнорусской традиции. Среди характеристик последней принято выделять¹⁵:

¹⁵ См.: [Руднева 1975; Щуров 1987].

а) доминирование плясовых песен с припевом «лѣли» и ритмической структурой с дроблением сильной доли:

б) преобладание семидольного стиха (в нашем материале преимущественно в «абыгрывиных» песнях);

в) с точки зрения ладовой организации – большая роль ладов в объеме чистой квинты (особенно в плясовых песнях) с интонацион-

Пример 4а

Пора, пора гостям

$\text{♩} = 78$ 01'32"

1. Па - ра, па - ра га - стям е - хать, вре - мя у - би - ра - ца,
о - х лё - ли, ох лё - ли, вре - мя у - би - ра - ца.

2. За - пря - гай, ми - лай, ка - ре - ту, я ся - ду па - с - - ду,
о - х ля - ли, ох лё - ли, я ся - ду па - е(а) - ду.

3. За - пря - гай, ми - лай, дру - гу - ю, я ся - ду в лю - бу - ю
о - х лё - ли, ох ля - ли, я ся - ду в лю - бу - ю.

Пара, пара гостям ехать,
Время убираца,
Ох лёли, ох лёли,
Время убираца.

Запрягай, милай, карету,
Я сяду пасду,
Ох ляли, ох лёли,
Я сяду пасду.

Запрягай, милай, дружую,
Я сяду в любую,
Ох лёли, ох ляли,
Я сяду в любую.*

Запрягай, милай, третью,
Я сяду са плетью,

Ох ляли, ох лёли,
Я сяду са плетью.

Еду, еду, следу нету,
Дарошка запала,
Ох ляли, ох лёли,
Дарошка запала.

Дарошка запала,
Дазволь варатица,
Ох ляли, ох лёли,
Дазволь варатица.

Дазволь варатица,
С маенкай пратица,
Ох ляли, ох лёли,
С маенкай пратица.

Пора, пора гостям со двора

00'35"

1. Пара, па-ра гостям са два-ра, па-ра у-би-ра-ца. И!

2. Унаско(а)-ни ста-ять за-при-же-ны, са два-ра сви-де-ны. И!

3. Са два-ра сви-де-ны, на путь напра-вле-ны. И!

Зап. в 1997 г. от А.Ф. Кочетовой, 1929 г.р., и М.С. Маринковой, 1927 г.р., в с. Елецкое Маланино. Рашифровала Е.В. Кривцова, 2000 г.

ной опорой на трихорд в кварте, движением преимущественно вверх от устоя и лишь периодическим появлением звуков ниже его;

г) в фактуре – превалирование параллельного движения голосов, большая роль гармонических закономерностей и опора на определенные созвучия по вертикали.

Все перечисленные признаки отражены в нашем материале таким образом, что, с одной стороны, позволяют соотнести его с общим, типическим (условно говоря, «обще-южнорусским»), а с другой стороны, демонстрируют своеобразие традиции обследуемого района.

Записанные нами свадебные песни по местоположению в обряде можно разделить на две группы: *довенечные* и *послевенечные*. В количественном отношении преобладают песни второй группы, звучавшие непосредственно во время свадебного пира и сохранившиеся значительно лучше. Однако вопрос о том, является ли их преобладание отражением специфики традиции или только показателем плохой сохранности последней, пока остается открытым. Для решения этой проблемы необходимо комплексное исследование традиции соседних районов.

Песен *довенечного* цикла зафиксировано всего пять, причем каждая из них приурочена к определенному моменту свадьбы. Последовательное исполнение песен в соответствии с ходом обряда выстраивало внутреннюю структуру этого многогранного и многосоставного действия: сговор – «Открасовалась наша Марья»; пропой – «Ой, кукушечка» (*клад ие пла-*

ча), «Не качайся, сосенушка»; выкуп постели – «Бей сундук»; благословение невесты – «Не было ветру»¹⁶.

Особую подгруппу составляют плачи. Хотя в Хлевенском р-не зафиксировано только два фрагмента (текстовый и «на мотив»), тем не менее, основываясь на высказываниях многих информантов, можно утверждать, что роль плачей в свадьбе была весомой. Плачи звучали на пропое (с. Отскочное), накануне свадьбы (с. Синдякино, Елецкое Маланино) и при благословении невесты перед венцом (с. Конь-Колодезь, Дмитришевка). Фрагмент плача «Ох, милая ты моя доченька», записанный в с. Конь-Колодезь (фонд КНМ МГК, инв. № 3764-21а), является единственным примером с тоническим стихосложением, что подтверждает общую для южнорусской традиции тенденцию к преобладанию силлабики. Вместе с тем в некоторых песнях довенечного цикла можно обнаружить элементы тонического стиха: в песне «У Михаила за столом» они проявляются в подчеркивании третьего акцента в конце строки синкопой; в песне «Не было ветру» (силлабический стих 5 + 5) – тот же акцент выделен более долгой длительностью. Силлабика в ее чистом виде представлена 11-сложным стихом 4 + 4 + 3 («Открасовалась наша Марья», «Бей

¹⁶ Нам не удалось выяснить, когда исполнялась песня «У Михаила за столом». Вместе с тем, учитывая музыкально-стилевые особенности (близость формулы напева песне «Не было ветру»), ее следует также отнести к довенечному циклу.

сундук» (фонд КНМ МГК, инв. № 3767-01)) и восьмисложным 5 + 3 («Не качайся, сосенушка»). В ладовом отношении формы, относящиеся к довенечному циклу, развиваются в условиях узкообъемных ладов в пределах терции, кварты¹⁷, нередко с элементами переменности: терцовой – «Не было ветру», «У Михаила за столом»; квартовой – «Не качайся, сосенушка». О характере многоголосия этих песен можно лишь строить предположения (всё по той же причине – практически все примеры, зафиксированные нами, одноголосны). Исключение составляет лишь «Открасовалась наша Марья», записанная от одной исполнительницы методом наложения: верхний голос дублирует в терцию основной, нижний (см. пример 1).

Песни, звучащие после венца, были связаны, главным образом, со свадебным пиром, по-видимому, изобиловавшим музыкальным материалом. По словам исполнителей (а ими на пиру были, главным образом, «дьявишники, каторгаи пають и усех висцять»), «усё была на песнях, усё на языке»¹⁸.

Возможная классификация послевенечных песен связана с их делением на:

а) обрядовые – песни-обыгрывания («абыгрышныя»), обращенные к сватам, дружке, молодым, гостям («А кто у нас холост», «Как на дубчике», «Как по погребу», «Виноград расцветает» и др.). Преобладающим типом стиха является вышеназванный силлабический семисложный в различных вариантах: 3 + 4 («Виноград расцветает»); основанный на смене структур 4 + 3 / 3 + 4 («Заря моя, зорюшка»¹⁹, «У ворот трава росла»). Среди прочих стиховых размеров следует назвать 5 + 5 («На ком у нас кудри», «Как на дубчике», «Как по погребу»), 6 + 6 («А кто у нас холост», «Пора, пора гостям» (фонд КНМ МГК, инв. № 3760-09), 8 + 6 («Пора нашим гостям» (см. пример 4а)), 11-сложный неделимый, типа «Камаринской» («Во тридцатом во первом году»). С точки зрения ладово-интонационной организации величальные песни и обыгрывания отличает опора на интервал большой / малой терции при секстовом диапазоне напева (от субкварты –

до III ст.)²⁰. Исключительным примером является узкообъемный ангемитонный лад (трихорд в кварте) в песне «Пора, пора гостям со двора» (см. пример 4б).

В свою очередь, ладовые закономерности песен взаимосвязаны с характером многоголосия²¹. Большинство примеров представляют собой двухголосие, основанное на преобладающем движении параллельными терциями: «Ой, да во лужках», «У ворот трава росла», «Виноград расцветает», «А кто у нас холост». Единственный раз встречается трехголосие, в котором голоса дублируют нижний (основной) голос в терцию и квинту – «Как по погребу боченочек» (см. пример 3). Иной тип фактуры – гетерофонию – находим в песне «Пора, пора гостям» (пример 4б): каждый из двух голосов свободно развивается в пределах всего диапазона песни, в том числе перекрещиваясь с другим голосом, при практически полном отсутствии их параллельного движения²².

б) звучащие вне обряда – плясовые («Ой, да во лужках», «Я гуляю во гульбе», «Гуляй, гуляй, Донушка», «Как у нашего соседа» и др.). Среди стиховых размеров можно назвать: 8 + 8 («Как у нашего соседа»), тип «По морю» («Ой, да во лужках») и семисложный преобразованный (когда «семерка» становится неделимой) в 14-тистолный 7 + 7 («Я гуляю во гульбе», «Гуляй, гуляй, Донушка»). Плясовые напевы разворачиваются в пределах чистой квинты, с опорой на трезвучие: «Гуляй, гуляй, Донушка», «Как у нашего соседа», «Пора гостям» (пример 4а), «Я гуляю во гульбе» и др. Тип многоголосия в плясовых песнях – по преимуществу трехголосие с большим значением гармонических закономерностей, где голоса дублируют нижний (основной) голос в терцию и квинту: «Я гуляю во гульбе», «Пора, пора гостям» (см. пример 4а), «Как по погребу», «Как у нашего соседа», «Гуляй, гуляй, Донушка».

Преобладающей формой музыкально-поэтической строфы в нашем материале является форма с припевом²³, в жанровом отношении распространяющаяся и на обрядовые (поющие-

¹⁷ Определение амбитуса напевов довольно условно, так как большая часть песен записана в одноголосном изложении.

¹⁸ Здесь имеется в виду также отсутствие в прежние времена на свадьбе гармонии, роль которой впоследствии выросла настолько, что произошло замещение песенных жанров инструментальными.

¹⁹ В.М. Щуров называет эту песню в числе самых распространенных на юге России [Щуров 1987, 73–74].

²⁰ В редких случаях двухголосия диапазон соответственно увеличивается на терцию – до октавы.

²¹ Эта сторона анализа затруднена в связи с преобладанием примеров с неполной фактурой и одноголосных вариантов.

²² Записан фрагмент песни.

²³ Это противоречит утверждению, что «в ворожежско-липецком пограничье сравнительно немногие песни с так называемым "алилешным припевом"» [Сысоева 2004].

ся до венца и «абыгрышные») песни, и на не связанные напрямую с обрядом плясовые.

1. Формы с припевом: текст АБПБ / мелодия аба'bb' – «Не качайся, сосенушка», «Заря моя, зорюшка», «Как на дубчике», «Как по погребу», «Я гуляю во гульбе» и др.; текст АБПП / мелодия аа'bb' – «Во тридцатом во первом году».

2. Формы без припева: текст ААББ / мелодия аа'bb' – «Ой, да во лужках», «Виноград расцветает»; текст АА / мелодия аа' – «У Михаила за столом»²⁴; текст АБ / мелодия аа' – «Пора, пора гостям со двора» (см. [пример 46](#)).

Даже предварительный анализ имеющегося материала выявляет контуры по меньшей мере двух разных типов обряда, бытовавших в районе. Об этом свидетельствуют расхождения в описании ключевых эпизодов свадьбы, касающиеся характера пропоя (поют – не поют), времени выкупа постели (накануне – в день свадьбы), момента и последовательности обряда расплетения косы (до венца – после венца), а также использование информантами различных терминов для определения, по сути, одного и того же действия (в Дмитришевке – «обмерять хату», а в Вертячем – «двора глядеть»; в Отскочном едут «за узлом», а в Вертячем – на «продажу рубашек»). Дальнейшее изучение этнографии и музыкального фольклора соседних районов, вкупе с необходимыми уточнениями и дополнениями сведений, собранных в Хлевенском р-не во время экспедиции 1997 г., сделает возможным включение свадебной традиции Липецкой обл. в общую картину многосоставной южнорусской народной культуры.

Литература

Руднева 1975 – Руднева А.В. Курские танки и карагоды. М., 1975.

Сысоева 2004 – Сысоева Г.Я. Южнорусские свадебные песни в локальных разновидностях // Фольклор: Современность и традиция: Мат. 3-й междунар. конф. памяти А.В. Рудневой. М., 2004 (в печати).

Щуров 1987 – Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. М., 1987.

Сокращения

КНМ МГК – Кабинет народной музыки Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

²⁴ Этот пример, впрочем, как и следующий, вызывает некоторые сомнения, так как был записан лишь небольшой фрагмент песни.

БИБЛИОГРАФИЯ И ДИСКОГРАФИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ КАБИНЕТА НАРОДНОЙ МУЗЫКИ МГК им. П.И. ЧАЙКОВСКОГО (1991 – 2003)

Сборники текстов.

Публикации текстов в научных и периодических изданиях

Гилярова Н.Н. Баслови нас, Бог: [Поздравительные новогодние песни] // Народное творчество. – 1993. – № 9. – С. 2–3, 18.

Гилярова Н.Н. Голоса Хопра: Книга для взрослых и детей. – М., 2001. – 98 с.: нот.

Гилярова Н.Н. Да что вынется, да что сбудется // Народное творчество. – 1997. – № 1. – С. 4.

Гилярова Н.Н. Детский фольклор Рязанской области. – Рязань, 1992. – 119 с.: нот. – (Рязан. этногр. вестн.).

Гилярова Н.Н. Детский фольклор Рязанской области. Фрумкин А.К. Рязанская глиняная игрушка. Народные музыкальные инструменты России. – Изд. 2-е, доп. – Рязань, 1994. – 171 с.: нот. – (Рязан. этногр. вестн.).

Из содерж.: Гилярова Н.Н. Детский фольклор Рязанской области. – С. 3–116.

Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области. – Рязань, 1992. – 141 с.: нот. – (Рязан. этногр. вестн.).

Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области. – Изд. 2-е, доп. – Рязань, 1994. – 194 с.: нот. – (Рязан. этногр. вестн.).

Гилярова Н.Н. На лужочке, бережочке // Народное творчество. – 1994. – № 1. – С. 12.

Гилярова Н.Н. Народный романс / Сост., предисл. (совместно с Ю. Кажарской), коммент., сост. компакт-кассеты. – М., 1998. – 63 с.: нот. – (Рус. традиц. культура).

Гилярова Н.Н. Хрестоматия по русскому народному творчеству (1–2 год обучения) с аудиоприложением. – М.: Родник, 1996. – 58 с.: нот. («Я вхожу в мир искусств»).

Гилярова Н.Н. Хрестоматия по русскому народному творчеству (3–4 год обучения) с аудиоприложением. – М., 1999. – 69 с.: нот. – (Рус. традиц. культура; № 2–3).

Савельева Н.М. Истоки. Календарные и свадебные песни с. Верещаки Брянской области в мно-